

Оленьи пастбища Таймыра в советский и постсоветский периоды: историко-правовой анализ эволюции землепользования в 1970–2010-е гг.

С.А. Янюшкин

ФГБОУ ВО «Братский государственный университет»

Serega_gt@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0005-0819-1467>

Статья поступила 29.04.2026, принята 25.05.2026

В статье на примере Таймырского района Красноярского края исследуется историческая эволюция правового режима оленьих пастбищ в советский и постсоветский периоды, охватывающие 1970–2010-е годы. Актуальность работы обусловлена сохраняющимся противоречием между традиционным природопользованием коренных малочисленных народов Севера и интенсивным промышленным освоением Арктической зоны Российской Федерации, а также низкой эффективностью действующего законодательства о территориях традиционного природопользования. Методологическую основу исследования составляет синтез историко-генетического, нормативно-догматического и институционально-функционального подходов, что позволяет проследить динамику правовых норм в их взаимосвязи с экологическими ограничениями и реальными хозяйственными практиками коренных общин. Источниковую базу составили нормативные правовые акты советского и постсоветского периодов, включая земельные и лесные кодексы, федеральные и региональные законы о поддержке северного оленеводства и защите исконной среды обитания, а также нереализованные законопроекты, научные исследования и данные о биологических циклах восстановления ягельников. Автор показывает, что в советский период при фактическом отсутствии специального правового регулирования долгосрочный характер землепользования, достигавший двадцати пяти лет, объективно соответствовал биологическим ритмам восстановления лишайниковых кормов. Постсоветский этап, особенно после административного объединения Красноярского края с Таймыром и Эвенкией в две тысячи седьмом году, характеризуется сокращением срока аренды пастбищ до десяти лет, что вступает в противоречие с естественным циклом восстановления ягельников, занимающим от восьми до пятнадцати лет. В этих условиях получила распространение практика субаренды, когда оленеводческие хозяйства формально сохраняли права на земли, но фактически передавали их промышленным компаниям за финансовую компенсацию. Данный механизм рассматривается автором как вынужденная адаптация коренных малочисленных народов к рыночным условиям при сохраняющемся доминировании государственных приоритетов промышленного освоения Арктики. В заключении делается вывод о необходимости увеличения сроков землепользования для нужд оленеводства, совершенствования кадастрового учёта с учётом сезонной динамики кочевания и мозаичности ягельников, а также развития превентивных инструментов, таких как этнологическая экспертиза.

Ключевые слова: оленьи пастбища; коренные малочисленные народы Севера; Таймыр; историко-правовой анализ; землепользование; субаренда; советское законодательство; постсоветский период; Арктическая зона Российской Федерации.

Reindeer pastures of Taimyr in the Soviet and post-S periods: a historical and legal analysis of the evolution of land use in the 1970s–2010s

S.A. Yanyushkin

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

Serega_gt@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0005-0819-1467>

Received 29.04.2026, accepted 25.05.2026

The article examines, using the example of the Taimyr District of the Krasnoyarsk Territory, the historical evolution of the legal regime of reindeer pastures during the Soviet and post-Soviet periods, covering the 1970s–2010s. The relevance of the work is due to the ongoing contradiction between the traditional nature management of indigenous small-numbered peoples of the North and the intensive industrial development of the Arctic zone of the Russian Federation, as well as the low effectiveness of the current legislation on territories of traditional nature management. The methodological basis of the research is a synthesis of historical-genetic, normative-dogmatic and institutional-functional approaches, which makes it possible to trace the dynamics of legal norms in their relationship with environmental constraints and actual economic practices of indigenous communities. The source base includes normative legal acts of the Soviet and post-Soviet periods, including land and forest codes, federal and regional laws on support for northern reindeer herding and protection of the original habitat, as well as unrealized draft laws, scientific research and data on the biological cycles of lichen pasture restoration. It is shown that in the Soviet period, despite the virtual absence of special legal regulation, the long-term nature of land use, reaching twenty-five years, objectively corresponded to the biological rhythms of lichen feed restoration. The post-Soviet stage, especially after the administrative unification of the Krasnoyarsk Territory with Taimyr and Evenkia in 2007, is characterized by a reduction in the lease term for pastures to ten years, which contradicts the natural restoration cycle of reindeer pastures, which takes from eight to fifteen years. Under these conditions, the practice of sublease became widespread, whereby reindeer herding enterprises formally retained rights to the land but actually transferred it to industrial companies for financial compensation. This mechanism is viewed as a

forced adaptation of indigenous small-numbered peoples to market conditions while maintaining the dominance of state priorities for industrial development of the Arctic. The conclusion emphasizes the need to increase land use terms for reindeer herding, improve cadastral registration taking into account the seasonal dynamics of nomadic herding and the mosaic nature of reindeer pastures, as well as develop preventive instruments such as ethnological expertise.

Keywords: reindeer pastures; indigenous small-numbered peoples of the North; Taimyr; historical and legal analysis; land use; sublease; Soviet legislation; post-Soviet period; Arctic zone of the Russian Federation.

Исторически сложившаяся система природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (далее КМН), базирующаяся на традиционных промыслах (оленьеводство, рыболовство, охота), вступает в объективное противоречие с индустриальным освоением территорий. Актуальность данного материала в историко-правовом контексте обусловлена тем, что именно правовое регулирование выступает ключевым механизмом разрешения многовекового конфликта между экстенсивным природопользованием аборигенных общин и интенсивным недропользованием. Сегодня, как и столетие назад, отсутствие эффективных юридических инструментов балансировки интересов ведёт к деградации исконной среды обитания и утрате идентичности КМН, что требует последовательной эволюции законодательства — от декларативных норм к реальным механизмам компенсации и этнологической экспертизы.

В исторической ретроспективе правовой статус КМН в России прошёл путь от патерналистской опеки к признанию их автономии в вопросах природопользования. Актуальность обращения к данной теме вызвана тем, что Федеральный закон № 49-ФЗ о территориях традиционного природопользования (ТТП), принятый более двух десятилетий назад, сегодня демонстрирует пробелы в правоприменении: большинство ТТП так и не созданы, а земли остаются в «белых пятнах» для бизнеса. Именно поэтому ключевой историко-правовой проблемой остаётся разрыв между закреплённым правом общин на безвозмездное пользование ресурсами и реальной практикой промышленного освоения, где интересы корпораций часто доминируют благодаря механизмам лицензирования недр, уходящим корнями в советскую отраслевую модель управления.

Актуальность анализируемого материала усиливается современным трендом на внедрение институтов ответственного бизнеса, которые исторически не были свойственны российскому правопорядку. Речь идёт о формировании новой правовой культуры — от одностороннего возмещения убытков к превентивным инструментам, таким как этнологическая экспертиза и обязательные соглашения о социально-экономической поддержке. В историко-правовом ключе это означает переход от имперского и советского подходов, игнорировавших коллективные права КМН на земли, к договорным отношениям, где бизнес выступает не просто природопользователем, а субъектом, обязанным соразмерять свои проекты с сохранением исконной среды обитания. Однако, как показывает практика, правовая актуальность сохраняется: без судебного толкования критериев «добросовестности» консультаций и минимального ущерба эти механизмы рискуют остаться декларативными.

Историография традиционного природопользования КМН России постсоветского периода демонстрирует эволюцию исследовательских подходов от фиксации кризиса «переходной экономики» к анализу правовых и институциональных механизмов взаимодействия с государством и бизнесом. [1] В 1990-е гг., в условиях отказа от государственного патернализма, исследования концентрировались на болезненной интеграции КМН

в рыночную среду. В работах К.Б. Клокова и А.И. Пики обосновывалась концепция «неотрадиционализма» как альтернатива советской модели: предлагалось разумное сочетание традиционных промыслов с экономической самостоятельностью и общинным самоуправлением, причем Клоков дополнил этот подход «культурно-экологическим» измерением, количественно фиксируя ущерб пастбищам от промышленности Норильска и низкую товарность традиционных доходов. [2] Переход к 2000-м гг. ознаменовался сдвигом исследовательского фокуса в правовую плоскость, что было вызвано появлением профильных законов (в частности, ФЗ № 49-ФЗ о ТТП) и одновременной их неэффективностью. С.Н. Харючи, Е.В. Жукова и Н.В. Данилова констатировали разрыв между декларируемыми правами и правоприменительной практикой: отсутствие типового положения о ТТП и пробелы в Земельном кодексе РФ не позволяли общинам закреплять земли, что создавало риск утраты исконных ареалов. [3] Параллельно, в работах Г.И. Погодько, О.С. Нагаевой, В.А. Кудашкина, М.М. Бояриновой и М.В. Рагулиной анализировались экологические и социальные последствия промышленного освоения недр (нефтегазовых месторождений Красноярского края, Забайкалья). Выводы исследователей оказались неоднозначными: там, где действовали протекционистские меры властей и партнёрство с бизнесом, традиционное природопользование получало стимулы развития, однако на фоне пассивности администраций и экспансии коммерческих арендаторов (пример с эвенками Забайкалья) происходила деградация оленьих пастбищ и вытеснение КМН на непродуктивные угодья. [4]. Заслуга С.А. Кириуткина состоит в систематизации и периодизации историографии традиционного природопользования коренных малочисленных народов России за два постсоветских десятилетия (1990–2010), что позволило выявить эволюцию исследовательских подходов — от концепции «неотрадиционализма» 1990-х гг. до правового анализа проблем землепользования и промышленного освоения в 2000-е гг. [10].

Комплексное значение исследований Л.Н. Гилёвой [11] и С.Н. Гринберга [12] заключается в том, что применение оптимизационных моделей позволяет научно обосновать баланс между поголовьем оленей и ёмкостью пастбищ, предотвращая деградацию кормовых

угодий, в то время как правовое закрепление статуса оленьих пастбищ и их сезонного зонирования, на примере законов Красноярского края, что создаёт необходимую нормативную основу для реализации этих моделей в системе территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера.

Источниковедческий обзор эволюции законодательства в области природопользования и традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока показывает переход от отраслевого регулирования советского периода к комплексному учёту этно-экологических прав в современном российском праве. Отправной точкой служит Земельный кодекс РСФСР 1970 г. (с изм. 1980 г.), отражавший планово-распределительный подход к земле, в котором отсутствовало понятие территорий традиционного природопользования. Переломным этапом стало принятие Федерального закона № 49-ФЗ (2001 г., ред. 2014 г.), впервые закрепившего правовой режим таких территорий, что потребовало согласования с Земельным кодексом РФ 2001 г. (ред. 2015 г.) и Лесным кодексом РФ 2006 г. (ред. 2014 г.), где вопросы традиционного природопользования фигурируют фрагментарно. Развитие регионального законодательства демонстрируют законы Мурманской области (2006 г., ред. 2013 г.) и Красноярского края (2010–2015 гг.), конкретизирующие поддержку северного оленеводства и защиту исконной среды обитания. Особый пласт составляют проекты федеральных законов (например, № 220824-3 «О северном оленеводстве»), которые фиксируют нереализованные законодательные инициативы и позволяют проследить направления правовых дискуссий. Техническую эволюцию учёта земель отражает Федеральный закон о кадастре недвижимости (2007 г.)

Методология. В представленном исследовании историко-правовая методология базируется на синтезе трёх специальных подходов: историко-генетического, нормативно-догматического и институционально-функционального анализа, что позволяет проследить эволюцию правового режима оленьих пастбищ как сложного природно-хозяйственного феномена. Историко-генетический метод реализован через периодизацию законодательства о землях коренных малочисленных народов: от советского этапа (Земельный кодекс РСФСР 1970 г. с долгосрочным пользованием до 25 лет, но без понятия ТТП) через постсоветский переход (ФЗ № 49-ФЗ 2001 г., закрепивший правовой режим территорий традиционного природопользования) к современному этапу (краевые законы 2010–2015 гг., кадастровый учёт по ФЗ № 221). Нормативно-догматический метод проявился в юридическом конструировании понятия «оленьи пастбища» как триады «земля – почва – кормовая растительность (ягель)» с выявлением коллизий между отраслевым делением земельного фонда на семь категорий и фактическим многоцелевым использованием угодий, где пастбища предоставлялись из земель запаса, лесного фонда и даже промышленности. Институционально-функциональный анализ позволил раскрыть механизмы субаренды как формы вынужденной адаптации коренных общин к рыночным условиям, когда формальное право аренды пастбищ (п. 13 ст. 39.10 ЗК РФ) трансформировалось в инстру-

мент компенсационных соглашений с промышленным бизнесом. Особую методологическую роль сыграл междисциплинарный трансфер естественно-научных данных в историко-правовой анализ, что позволило обосновать несоответствие десятилетнего срока аренды природным ритмам Севера и предложить возврат к советскому 25-летнему нормативу.

Таким образом, специальная историческая методология исследования представляет собой комплексную модель, в которой правовая эволюция анализируется не изолированно, а через призму экологических ограничений, хозяйственных практик и институциональных компромиссов, что характерно для современной антропологически ориентированной исторической юриспруденции.

Основная часть. Актуальным направлением историко-правового исследования с применением современной методологии является эволюция режима использования оленеводческих пастбищ в Таймырском районе Красноярского края – наиболее значимом по масштабам оленеводства регионе Арктической зоны РФ. Изучение динамики правовых норм, административных практик и механизмов разрешения земельных отношений позволяет выявить исторические корни современных коллизий между традиционным природопользованием коренных малочисленных народов, стратегическими интересами государства в Арктике и экспансией промышленного бизнеса. Подобный историко-правовой анализ необходим для выработки сбалансированных решений, учитывающих как исторически сложившийся опыт кочевого хозяйства, так и современные вызовы промышленного освоения.

Государственная стратегия 2000-х гг. в сфере регулирования земельных отношений в арктических районах, включая территории Красноярского края, строилась на сочетании функций верховного собственника и регулятора, что выражалось в установлении строгого порядка отнесения земельных участков к одной из семи категорий, регулировании их перевода из категории в категорию и определении условий изъятия для государственных надобностей. В рамках этой стратегии проводилась цель рационального и комплексного использования территорий: государство поощряло многоцелевое применение земель, предназначенных для одной основной цели, для других хозяйственных нужд с целью избежать пустующих площадей, что свидетельствовало о стремлении к максимальной экономической эффективности освоения арктических территорий.

Одновременно законодательно признавалась необходимость обеспечения баланса интересов путём охраны среды обитания коренных народов и поддержки северного оленеводства как значимого продовольственного ресурса, что на практике сочеталось с допущением промышленного освоения недр. Реализация стратегии также включала охранительную функцию в отношении природной основы: через принятие Лесного кодекса и иных нормативных актов государство устанавливало правила использования пастбищ, косвенно признавая уязвимость ягельников, и стремилось предотвратить повреждение кормовой базы как от промышленного воздействия, так и от внутренней конкуренции между домашними и дикими оленями.

Таким образом, в 2000-е годы сложилась модель государственного регулирования, которая пыталась совместить жёсткую категоризацию земель с гибкостью их фактического использования, а экономические приоритеты промышленного освоения – с сохранением традиционного природопользования и охраной хрупкой арктической экосистемы.

В Красноярском крае центральным промышленным объектом является ГМК «Норильский никель», который занимается разработкой месторождений руд цветных металлов, а также Ванкорского месторождения углеводородных ресурсов. В соответствии с долгосрочными правительственными программами предполагается активное хозяйственное освоение и заселение территорий северных и восточных районов РФ. Современное природно-ресурсное состояние этих районов указывает на необходимость серьёзного учёта земель, пригодных для развития различных отраслей хозяйственной деятельности, включая северное домашнее оленеводство. Данная отрасль рассматривается как значимый продовольственный ресурс не только для коренных народов, но и для другого населения, прибывающего в эти районы в связи с производственной деятельностью.

Действующее федеральное законодательство, регулирующее охрану естественной среды обитания коренных малочисленных народов и государственную поддержку северного оленеводства, указывает на несколько важных правовых аспектов. Оно фиксирует возможность использования земель различных категорий для нужд оленеводства, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости закрепления границ земельных участков, предоставленных для ведения оленеводческой деятельности. Такая деятельность осуществляется с использованием оленьих пастбищ. Для полного уяснения понятия оленьих пастбищ как угодий необходимо определить их место в составе единого земельного фонда страны, который Земельным кодексом РФ подразделяется на семь категорий в соответствии с их основным целевым назначением.

Состав отдельных категорий земель не является статичным, поскольку развитие различных отраслей хозяйства обуславливает процессы постоянного перераспределения земель. Однако деление земельного фонда на семь основных категорий, производимое по принципу основного целевого назначения, остается неизменным. Практика показывает, что в связи с требованиями рационального использования земли большое количество участков, предоставленных для той или иной основной цели, используется и для различных других хозяйственных целей, чтобы не допускать пустующих или не полностью используемых земель. Земельное законодательство допускает и поощряет такой порядок, когда использование земель для других целей не обязательно приводит к прекращению использования площадей для основных нужд и не влечёт за собой исключение этих угодий из состава категории земель, в которой они находятся.

Законодательством установлен строгий порядок использования земель по основному целевому назначению, их перевода из одной категории в другую, а также условия изъятия для государственных и муниципаль-

ных надобностей. Принятая семичленная структура земельного фонда дополняется внутренней классификацией по угодьям – по целям непосредственного использования участков. Пастбище представляет собой особое сельскохозяйственное угодье, где важнейшим элементом биосферы является кормовая растительность, что указывает на наличие специальных целей хозяйственного использования (выпас животных) и особый порядок регулирования. Основой развития оленеводства служит естественная кормовая растительность арктических широт, в первую очередь ягель (олений мох, лишайник), который является основным пищевым ресурсом для северных оленей в течение 8–10 месяцев в году.

Ошибки и просчёты в вопросах рационального использования и охраны оленьих пастбищ приводят к снижению их оленеёмкости и общему снижению уровня развития этой отрасли хозяйства. Повреждение ягельников лишает северных оленей основного корма на большую часть года и существенно снижает производительность оленеводства. Опасность для благоприятного состояния оленьих пастбищ возникает из двух основных источников. Во-первых, это повреждение ягельников в процессе промышленного освоения земель в северных территориях. Во-вторых, это нередко возникающая конкуренция в использовании пастбищ между домашними и дикими оленями. Проблема организации рационального использования земель в северных районах страны включает в себя различные аспекты: экономический, организационный, технический и правовой.

Таким образом, историко-правовой анализ показывает, что использование оленьих пастбищ в Красноярском крае находится в зоне пересечения интересов промышленного освоения Арктики, государственного регулирования земельных отношений и традиционного природопользования. Эффективное разрешение возникающих противоречий требует учёта динамики земельного законодательства, особого правового статуса пастбищ как угодий с уникальной кормовой базой, а также необходимости закрепления границ земельных участков в условиях активного хозяйственного перераспределения территорий северных и арктических территорий.

Концепция анализа документов в данном исследовании базируется на межатраслевом подходе, сочетающем методы историко-правового, нормативного и функционального анализа, а формирование рабочих определений строится вокруг трёх ключевых понятий. «Олени пастбища» понимаются не просто как земельные участки, а как сложные природно-хозяйственные угодья, включающие триаду «земля – почва – кормовая растительность (ягель)», что предполагает особый правовой режим, в котором защита растительности выступает необходимым условием использования. «Рациональное использование» трактуется как гибкая система, допускающая многоцелевое применение земель (например, сочетание промышленного освоения и выпаса оленей) при условии сохранения основного целевого назначения и недопущения пустующих площадей, причём анализ документов фокусируется на выявлении механизмов такого сочетания. Наконец, «перераспре-

деление земель» рассматривается как динамический процесс, при котором формальное отнесение участка к определённой категории (земли промышленности, лесной фонд и др.) не исключает его фактического использования под выпас, что требует изучения документов о временном пользовании и процедурах согласования.

В последние годы наметилось определённое повышение внимания к вопросам правового режима сельскохозяйственных угодий, однако правовой режим оленьих пастбищ в научной земельно-правовой литературе почти не исследовался. Анализ практики использования земель на севере показывает, что большая доля оленьих пастбищ предоставлялась из земель государственного запаса, много земель выделялось из земель лесного фонда, а также из земель промышленности и транспорта. Дефицит оленьих пастбищ, который ощущался всё острее, диктовал необходимость предоставления пастбищ из многих категорий земель, исходя только из условия достаточного запаса кормов и доступности их для животных в разное время года. Всё это свидетельствовало о своеобразном положении оленьих пастбищ в составе единого земельного фонда страны.

Оленьи пастбища представляли собой дифференцированные угодья, и как всякий объект специфического использования обладали как естественно-научными, так и правовыми признаками. С естественно-научной точки зрения – это земельный массив, расположенный в северных территориях, на котором имелся достаточный ассортимент мхов и лишайников – специфический растительный корм северных оленей. Эта растительность образовывала мозаичный покров тундры и лесотундры, который в силу естественных и антропогенных факторов быстро менял свой качественно-количественный состав и местоположение, что создавало трудности в определении оленьих пастбищ как совокупного и самостоятельного объекта права. Оленьи пастбища, как и всякое используемое земельное угодье, имели свою цель использования – развитие оленеводческого производства, и использовались в основном оленеводческими хозяйствами под выпас оленьих стад как основное средство производства.

Природной особенностью оленьих пастбищ являлось то, что на всей значительной территории использовался прежде всего наиболее ценный компонент – ягельники (оленьи мхи). В отличие от зелёных кормов они использовались только в течение трёх-четырёх месяцев в году, а нарастали в течение ряда лет. Кормовые лишайники в своём развитии проходили три стадии: формирование подстил (8–14 лет), обновление с одновременным приростом и отмирание на перестойных ягельниках. Это означало, что ягельники следовало использовать после завершения первой стадии роста, что требовало установления строгих сроков использования пастбищ и периодов их отдыха для восстановления кормового запаса. Учёными-аграрниками было замечено, что при скусывании только вершины ягельного куста восстановление шло быстрее (2–3 года), но при скармливании трёх верхних слоев восстановительный период занимал более 10 лет [13]. Из этого следовал вывод, что использование кормовых запасов

оленьих пастбищ должно было исходить из оптимального сочетания эксплуатации и воспроизводства их кормовой ёмкости.

Уже отмечалось, что Север с экологической точки зрения представлял собой особый регион, биосфера которого отличалась особой степенью ранимости при воздействии хозяйственной деятельности человека и крайней замедленностью естественных восстановительных процессов. Многоцелевое и крупномасштабное освоение Севера сопровождалось все увеличивающимися антропогенными воздействиями на природные комплексы. Бесконтрольное движение транспорта, особенно летом, строительство и эксплуатация промышленных объектов влекли за собой уплотнение, разрыв и уничтожение растительного и почвенного покрова. Так, по истечении трех лет после прохода гусеничного транспорта в колеях появлялись лишь единичные злаки и пушицы, спустя пять лет травяное покрытие возникало на 25 % площади, и лишь к 8–9 годам оно увеличивалось до 80 % с появлением пятен мхов [13, с. 148–150]. За последние 20 лет под влиянием неупорядоченного выпаса диких и домашних оленей запасы лишайников на Таймыре снизились на 26 % [13, с. 172–173].

Смена времен года имела для оленеводства огромное значение, так как она определяла естественное состояние пастбищ, состав и питательную ценность кормов, а также их доступность. В зависимости от сезона производилась смена пастбищ и перекочевка оленьих стад: ранневесенний (май – начало июня) с первым отелом и сохранением ягеля как основного корма; поздневесенний (июнь) с переходом к летовкам; летний (июль – август), когда олени могли обходиться без ягеля только зелёными кормами; раннеосенний (август – октябрь) с нагулом и использованием грибов; позднеосенний (октябрь – ноябрь) с преобладанием ягеля; и зимний период (ноябрь – апрель), когда доступность пастбищ снижалась к концу сезона до 10 % [14, с. 79–81]. Особенностью оленьих пастбищ являлось наличие вечной мерзлоты, малого светового периода, что предопределяло особую степень ранимости и трудность восстановления от любых видов повреждения.

В советское время использование оленьих пастбищ не регулировалось основными нормативными земельными актами, и сам термин не упоминался в основах земельного законодательства. Земельный кодекс РСФСР употреблял этот термин единственный раз в ст. 11, где указывалось, что оленьи пастбища могли предоставляться в долгосрочное пользование колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям на срок до 25 лет [15]. В соответствии с п. 13 ст. 39.10 действующего ЗК РФ лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Севера, и их общинам пастбища предоставляются на срок не более чем десять лет. Таким образом, в отличие от советского периода сроки использования земельных участков в местах традиционного проживания были установлены всего до десяти лет, что, как очевидно, не соответствовало биологическим законам восстановления мхов и лишайников. Исходя из законов развития природы Севера, было бы целесообразно вернуться к ранее установленным срокам использования земель для нужд домашнего северного оленеводства не менее чем на двадцать пять лет.

В июле 2011 г. было осуществлено первое чтение законопроекта № 220824-3 Федерального закона «О северном оленеводстве» [16], которым предусматривалась государственная поддержка отрасли за счет средств федерального и региональных бюджетов, включая субсидии, шадящий режим природопользования, финансирование охраны пастбищ от пожаров и техногенного воздействия, а также компенсации при стихийных бедствиях. Однако закон не был принят. На уровне Красноярского края были приняты Закон «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Красноярского края» и Закон «О государственной поддержке северного оленеводства в Красноярском крае» [17, 18], которые урегулировали вопросы охраны среды обитания и установили порядок образования территорий традиционного природопользования. При этом основным документом для определения границ оленьих пастбищ являлся кадастровый план территории в соответствии с ФЗ № 221 от 24.07.2007 г. «О государственном кадастре недвижимости» [19], однако природная особенность расположения ягельников такова, что после их стравливания специфический корм восстанавливается в течение 8–15 лет, что ставило под сомнение целесообразность жесткого определения границ на короткий период.

После объединения Красноярского края с Таймырским (Долгано-Ненецким) и Эвенкийским автономными округами в 2007 г. территориальная целостность региона была восстановлена, однако для оленеводства и использования пастбищ этот период характеризовался рядом противоречивых тенденций. С одной стороны, укрупнение субъекта Федерации позволило выстроить единую региональную политику в Арктической зоне, что нашло выражение в принятии краевых законов о защите исконной среды обитания (2010) и о государственной поддержке северного оленеводства (2012) [17, 18]. С другой стороны, именно в эти годы усилилось промышленное освоение Таймыра, связанное с деятельностью ГМК «Норильский никель» и разработкой Ванкорского месторождения, что привело к изъятию и деградации значительных площадей оленьих пастбищ.

Автор констатирует, что сформировалась следующая тенденции периода 2006–2016 гг.:

1. Сокращение сроков землепользования по сравнению с советским периодом (с 25 до 10 лет), что не соответствовало биологическому циклу восстановления ягельников (8–15 лет) и создавало правовую неопределенность для оленеводческих хозяйств.

2. Развитие практики субаренды, когда земли, формально отнесённые к категории сельскохозяйственных или лесного фонда, передавались оленеводческими хозяйствами в субаренду промышленным компаниям. Это позволяло коренным малочисленным народам получать компенсации, но одновременно вело к утрате пастбищ.

3. Кадастровое оформление территорий в соответствии с ФЗ № 221 [19] происходило без учета сезонной динамики кочевания и мозаичности ягельников, что делало границы участков искусственными и нежизнеспособными в хозяйственном отношении.

4. Снижение запасов лишайников на Таймыре (на 26 % за 20 лет) продолжалось из-за сочетания перевыпаса, конкуренции с дикими оленями и техногенного воздействия [13, с. 172–173].

Итак, в советский период правовое регулирование оленьих пастбищ практически отсутствовало, однако долгосрочный характер землепользования (до 25 лет) объективно способствовал сохранению цикличности кочевания и восстановления кормовой базы, так как сроки предоставления земель соответствовали биологическим ритмам ягельников [15].

В 2000–2010-е гг. правоприменительная практика в Красноярском крае демонстрировала расхождение между декларируемой государственной поддержкой оленеводства (краевые законы 2010 и 2012 гг.) и фактическим механизмом предоставления земель. Десятилетний срок аренды, установленный п. 13 ст. 39.10 ЗК РФ, не позволял оленеводческим хозяйствам планировать пастбищеобороты и приводил к тому, что по истечении срока аренды участки часто переходили под промышленное освоение без учета восстановительного периода.

Практика субаренды, возникавшая как реакция на давление промышленного бизнеса, стала для коренных малочисленных народов формой выживания: оленеводческие хозяйства формально сохраняли права на пастбища, но фактически передавали их в пользование промышленным компаниям, получая финансовые компенсации. Это явление нельзя однозначно оценить как приспособление к рынку – скорее, это вынужденная адаптация к реалиям, где государственные интересы освоения Арктики имели приоритет перед традиционным природопользованием. Кратковременный эффект рекультивации отдельных участков (например, восстановление травяного покрова на 80 % к 8–9 году после техногенного воздействия [13, с. 148–150]) не решал проблему в целом, так как ягельники восстанавливались значительно медленнее.

Таким образом, автор констатирует, что исторический опыт использования оленьих пастбищ в советский период, когда землепользование носило долгосрочный характер (до 25 лет) и не было жестко привязано к категорийному делению земель, позволял оленеводческим хозяйствам выстраивать маршруты кочевания в соответствии с естественными циклами восстановления ягельников. В постсоветский период, особенно после административного объединения Красноярского края с Таймыром и Эвенкией (2007) и принятия нового Земельного кодекса (2001), правовой режим оленьих пастбищ претерпел существенные изменения: сроки землепользования сократились до 10 лет, усилилось давление промышленного освоения, а практика субаренды стала распространенным механизмом сосуществования традиционного хозяйства и крупного бизнеса. Несмотря на то, что кратковременная рекультивация нарушенных земель и отдельные примеры восстановления травяного покрова демонстрировали возможность частичного возврата пастбищ, биологическая специфика ягельников (период восстановления 8–15 лет) вступала в противоречие с краткосрочными арендными отношениями. Таким образом, сложившаяся система субаренды позволяла коренным малочисленным народам опираться на формальное право аренды при взаи-

модействии с промышленными компаниями, однако это было не столько осознанным приспособлением к рыночным условиям, сколько вынужденной реакцией на реалии, в которых приоритет государственных и корпоративных интересов в Арктике объективно ограничивал возможности традиционного оленеводства.

Исторический опыт использования оленьих пастбищ в Таймырском районе Красноярского края свидетельствует о постепенном, но не всегда последовательном формировании правового режима, учитывающего специфику традиционного природопользования коренных малочисленных народов. За период с советского времени по настоящее время законодательство прошло путь от практически полного отсутствия специальных норм (Земельный кодекс РСФСР 1970 г.) до признания на федеральном и региональном уровнях необходимости охраны исконной среды обитания и поддержки северного оленеводства (ФЗ № 49-ФЗ, краевые законы 2010–2015 гг.). Вместе с тем анализ практики показывает, что установленный десятилетний срок аренды пастбищ оказался менее согласованным с естественными циклами восстановления ягельников (8–15 лет)

по сравнению с советским нормативом в 25 лет, что создаёт известные трудности для долгосрочного планирования пастбищеоборотов. Практика субаренды, получившая распространение в постсоветский период, может рассматриваться как один из способов адаптации хозяйств коренных малочисленных народов к новым экономическим условиям, позволяющий при сохранении формальных прав на землю получать дополнительные ресурсы для развития. Восстановительные процессы на нарушенных территориях, включая поэтапное возобновление травяного покрова, демонстрируют принципиальную возможность возврата пастбищ, однако требуют более длительных сроков в отношении лишайниковых кормов. Таким образом, историческая динамика правового регулирования оленьих пастбищ в Красноярском крае отражает объективные сложности совмещения задач промышленного освоения Арктики и сохранения традиционного уклада, решение которых предполагает дальнейшее совершенствование законодательства с учётом как биологических особенностей северных экосистем, так и накопленного опыта взаимодействия государства, бизнеса и автохтонных общин.

Литература

1. Клоков К.Б. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития в современных условиях. СПб., 1997. 44 с.
2. Клоков К.Б. Традиционное природопользование элугийских кетов (опыт социально-экологического процесса аккультурации) // Этногеографические и этноэкологические исследования. 1999. № 8. С. 318.
3. Пика А.И. Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 47–53.
4. Харючи С.Н. Коренные малочисленные народы: Проблемы законодательства: Монография. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 359 с.
5. Жукова Е.В. Право на традиционное природопользование: его место в системе прав коренных малочисленных народов и проблемы реализации // Вестник АлтГТУ им. И.И. Ползунова. 2010. № 1–2. С. 132–137.
6. Данилова Н.В. Проблемы защиты прав коренных малочисленных народов на традиционное природопользование // Социальное и пенсионное право. 2007. № 4. С. 2–6.
7. Погодько Г.И., Нагаева О.С. Региональная политика решения социальных проблем северных территорий в связи с освоением нефтегазовых месторождений // Современные исследования социальных проблем. – 2010. № 3. С. 131–136.
8. Кудашкин В.А., Бояринова М.М. Государственная политика и проблемы адаптации эвенков Прибайкалья в XXI в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–2 (32). С. 81–91.
9. Рагулина М.В. Тенденции развития традиционного природопользования коренных малочисленных народов Сибири // Наукосведение. 2013. № 5. С. 1–11.
10. Кирюткин С.А. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов России в оценках исследователей постсоветского периода // Евразийский Союз Учёных. 2015. № 1–3 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnoe-prirodopolzovanie-korennyh-malochislennyh-narodov-rossii-v-otsenkah-issledovateley-postsovetskogo-perioda> (дата обращения: 14.04.2026).
11. Гилёва Л.Н. Организация рационального использования оленьих пастбищ с применением оптимизационных моделей // Региональные геосистемы. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-ratsionalnogo-ispolzovaniya-olenih-pastbisch-s-primeneniem-optimizatsionnyh-modeley> (дата обращения: 14.04.2026).
12. Гринберг С.Н. Правовое и экологическое обеспечение рационального использования и охраны оленьих пастбищ // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-i-ekologicheskoe-obespechenie-ratsionalnogo-ispolzovaniya-i-ohrany-olenih-pastbisch> (дата обращения: 15.04.2026).
13. Щелкунова Р.П. Антропогенные воздействия на растительный покров Таймыра // Проблемы рационального природопользования и контроля качества природной среды севера Сибири: сб. науч. тр. Якутск, 1979. с. 148–150.
14. Емельянова Т.А. Организация рационального использования и охраны земельных ресурсов северных территорий Российской Федерации. М., 2004.
15. Закон РСФСР от 01.07.1970 об утверждении Земельного кодекса РСФСР (вместе с Земельным кодексом РСФСР) с изм. и доп., внесенными Указом президиума ВС РСФСР от 12.03.1980. М., 1980.
16. Проект Федерального закона № 220824-3 «О северном оленеводстве» (ред., внесенная в ГД ФС РФ). URL: http://www.sejchas.ru/law_project/20349.
17. О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Красноярского края: закон Красноярского края от 25.11.2010 г. (в ред. от 19.12.2013) № 11-5343. Красноярск, 2013.
18. О государственной поддержке северного оленеводства в Красноярском крае: закон Красноярского края от 11.12.2012 (в ред. от 12.02.2015) № 3-868. Красноярск, 2015.
19. О государственном кадастре недвижимости: федер. закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ. М., 2007.

References

1. Klovov K.B. Traditional Nature Management of the Peoples of the North: Concept of Preservation and Development in Modern Conditions. St. Petersburg, 1997. 44 p. (In Russ.)

2. Klovov K.B. Traditional Nature Management of the Yeluguy Kets (Experience of Socio-Ecological Acculturation Process). *Ethnogeographic and Ethnoecological Studies*. 1999. No. 8. P. 318. (In Russ.)
3. Pika A.I. Neotraditionalism in the Russian North: Going into the Future without Forgetting the Past. *Sociological Studies*. 1996. No. 11. Pp. 47–53. (In Russ.)
4. Kharuchi S.N. Indigenous Minorities: Problems of Legislation: Monograph. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2004. 359 p. (In Russ.)
5. Zhukova E.V. The Right to Traditional Nature Management: Its Place in the System of Rights of Indigenous Minorities and Problems of Implementation. *Bulletin of Altai State Technical University named after I.I. Polzunov*. 2010. No. 1–2. Pp. 132–137. (In Russ.)
6. Danilova N.V. Problems of Protecting the Rights of Indigenous Minorities to Traditional Nature Management. *Social and Pension Law*. 2007. No. 4. Pp. 2–6. (In Russ.)
7. Pogodko G.I., Nagaeva O.S. Regional Policy for Solving Social Problems of Northern Territories in Connection with the Development of Oil and Gas Fields. *Modern Studies of Social Problems*. 2010. No. 3. Pp. 131–136. (In Russ.)
8. Kudashkin V.A., Boyarinova M.M. State Policy and Problems of Adaptation of the Evenks of the Baikal Region in the 21st Century. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice*. 2013. No. 6–2 (32). Pp. 81–91. (In Russ.)
9. Ragulina M.V. Trends in the Development of Traditional Nature Management of Indigenous Minorities of Siberia. *Science Studies*. 2013. No. 5. Pp. 1–11. (In Russ.)
10. Kiryutkin S.A. Traditional Nature Management of Indigenous Minorities of Russia in the Assessments of Researchers of the Post-Soviet Period. *Eurasian Union of Scientists*. 2015. No. 1–3 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnoe-prirodopolzovanie-korennyh-malochislennyh-narodov-rossii-v-otsenkah-issledovateley-postsovetskogo-perioda> (accessed: 14.04.2026). (In Russ.)
11. Gileva L.N. Organization of Rational Use of Reindeer Pastures Using Optimization Models. *Regional Geosystems*. 2018. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-ratsionalnogo-ispolzovaniya-olenih-pastbisch-s-primeneniyem-optimizatsionnyh-modeley> (accessed: 14.04.2026). (In Russ.)
12. Grinberg S.N. Legal and Environmental Support for Rational Use and Protection of Reindeer Pastures. *Socio-Economic and Humanitarian Journal of Krasnoyarsk State Agrarian University*. 2016. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-i-ekologicheskoe-obespechenie-ratsionalnogo-ispolzovaniya-i-ohrany-olenih-pastbisch> (accessed: 15.04.2026). (In Russ.)
13. Shchelkunova R.P. Anthropogenic Impacts on the Vegetation Cover of Taimyr. *Problems of Rational Nature Management and Environmental Quality Control in the North of Siberia: Collection of Scientific Works*. Yakutsk, 1979. Pp. 148–150. (In Russ.)
14. Emelyanova T.A. Organization of Rational Use and Protection of Land Resources in the Northern Territories of the Russian Federation. Moscow, 2004. (In Russ.)
15. Law of the RSFSR of 01.07.1970 on the Approval of the Land Code of the RSFSR (together with the Land Code of the RSFSR) as amended and supplemented by the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR of 12.03.1980. Moscow, 1980. (In Russ.)
16. Draft Federal Law No. 220824-3 «On Northern Reindeer Herding» (version submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation). URL: http://www.sejchas.ru/law_project/20349 (accessed: 15.04.2026). (In Russ.)
17. On the Protection of the Original Habitat and Traditional Way of Life of Indigenous Minorities of the Krasnoyarsk Territory: Law of the Krasnoyarsk Territory of 25.11.2010 (as amended on 19.12.2013) No. 11-5343. Krasnoyarsk, 2013. (In Russ.)
18. On State Support for Northern Reindeer Herding in the Krasnoyarsk Territory: Law of the Krasnoyarsk Territory of 11.12.2012 (as amended on 12.02.2015) No. 3–868. Krasnoyarsk, 2015. (In Russ.)
19. On the State Real Estate Cadastre: Federal Law of 24.07.2007 No. 221-FZ. Moscow, 2007. (In Russ.)